

Список цитированных источников

1. Криминология: учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – С. 793–794.
2. Шидловский, А. В. Цели уголовной ответственности и механизм их реализации по УК Республики Беларусь // Курс уголовного права. Общая часть: в 5 т. / Белорус. гос. ун-т; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск, 2019. – Т. 2: Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г. А. Василевич [и др.]. – С. 132–148.
3. Скрипченко, Н. Ю. Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним / Н. Ю. Скрипченко. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 336 с.
4. Боровиков, С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива наказанию несовершеннолетних / С. А. Боровиков. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 176 с.
5. Калинина, Т. М. Иные меры уголовно-правового характера: проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения / Т. М. Калинина. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 288 с.
6. Казакова, Т. А. Принудительные меры воспитательного воздействия как альтернатива уголовному наказанию / Т. А. Казакова // Вестник уголов.-исполн. системы. – 2014. – № 2. – С. 14–18.
7. Попонова, Д. В. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Общая часть. Раздел V. Особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет. Глава 15. Наказание и его назначение лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет (статьи 108–117) [Электронный ресурс] / Д. В. Попонова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.
8. Правосудие по делам о несовершеннолетних : Республика Беларусь и международный опыт: учеб.-метод. пособие // УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета»; редкол.: А. В. Барков [и др.]. – Минск: Изд-во «Четыре четверти», 2013. – 119 с.
9. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Беларусь от 1 января 2002 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.

УДК 343.2

СУДЕБНАЯ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФИСКАЦИИ

Лукашов Алексей Ильич

*кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права,
юридический факультет, Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030 Минск, Республика Беларусь,
a_lukashov@tut.by*

Аннотация. Приводится ретроспективный обзор законодательного регулирования конфискации имущества, получившей в белорусском уголовном законе название «специальная конфискация».

Анализируются статистические данные применения специальной конфискации в 2019–2021 годы, указывающие на преимущественное применение специальной конфискации по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передаче управления транспортным средством такому лицу либо отказе от прохождения проверки (освидетельствования) и хищениях.

Исследуются судебные постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций всех областей республики и г. Минска, постановленные в 2019–2021 годы. Отмечается ошибочность ряда судебных постановлений (неприменение специальной конфискации или применение ее без обоснования и др.).

Подвергаются анализу правовые позиции Конституционного и Верховного судов республики по вопросам применения специальной конфискации. Обосновывается несоответствие Конституции, уголовному закону и решениям Конституционного Суда отдельных положений, нашедших отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда (конфискация имущества в пользу государства и др.).

Рассматриваются нормы законов об амнистии, содержащие положения, имеющие отношение к специальной конфискации, требующие приведения их в соответствие с предписаниями ст. 461 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Предлагаются пути решения проблемных вопросов применения специальной конфискации (специальная конфискация транспортного средства при неустановлении его собственника и др.).

Ключевые слова: специальная конфискация, предмет специальной конфискации, вещественное доказательство, уголовно-процессуальная конфискация.

JUDICIAL AND LEGISLATIVE PRACTICE OF SPECIAL CONFISCATION

Alexey Lukashov

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Belarusian State University, 4 Nezavisimosti Ave., 220030 Minsk, Republic of Belarus, a_lukashov@tut.by

Abstract. A retrospective review of the legislative regulation of property confiscation, which is called «special confiscation» in the Belarusian criminal law, is given.

Statistical data on the use of special confiscation in 2019–2021 indicating the predominant use of special confiscation in criminal cases on illegal circulation of narcotic drugs, psychotropic substances, driving a vehicle by a person in a state of

intoxication, transferring control of a vehicle to such a person or refusing to pass checks (surveys) and theft, is analyzed.

The article examines the court decisions of the courts of the first, appeal and cassation instances of all regions of the republic and the city of Minsk, adopted in 2019–2021. The erroneousness of a number of court decisions (non-application of special confiscation or its application without justification, etc.) is noted.

The author analyzes the legal positions of the Constitutional Court and the Supreme Court of the republic on the application of special confiscation. The article substantiates the non-compliance with the Constitution, the criminal law and the decisions of the Constitutional Court of certain provisions reflected in the decisions of the Plenum of the Supreme Court (confiscation of property benefits, etc.).

The norms of the amnesty laws containing provisions related to special confiscation, which are required to be brought in line with the provisions of Article 461 of the Criminal Code of the Republic of Belarus, are considered.

The article proposes ways to solve the problematic issues of using special confiscation (special confiscation of a vehicle if its owner is not identified, etc.).

Keywords: special confiscation, object of special confiscation, physical evidence, criminal-procedural confiscation.

Введение. Уголовно-правовой институт специальной конфискации получил легализацию в Уголовном кодексе 1999 года.

История становления и развития этого института уголовного права, нормы которого переплетаются с нормами Уголовно-процессуального кодекса 1999 года о конфискации вещественных доказательств, свидетельствует о неполноте и противоречивости правового регулирования вопросов конфискации имущества по уголовным делам. Как следствие, до настоящего времени судебная практика применения специальной конфискации остается неединообразной, не всегда согласующейся с предписаниями уголовного закона.

Несмотря на указания Конституционного Суда Республики Беларусь, Верховный Суд Республики Беларусь и законодатель не приняли исчерпывающих мер по упорядочению правового регулирования специальной конфискации в УК и УПК, устранению коллизии соответствующих норм, имеющих отношение к уголовно-правовой и уголовно-процессуальной конфискации имущества.

Остается нерешенным целый ряд вопросов применения специальной конфискации, связанных с пробельностью института специальной конфискации.

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы применения специальной конфискации, обусловленные как недостатками ее правового регулирования, так и ошибками, основанными на превратном толковании соответствующих правовых норм или их игнорировании, предлагаются и обосновываются подходы к их решению.

Основная часть. Специальная конфискация: краткий исторический экскурс. Специальная конфискация как самостоятельная мера уголовно-правового характера, не являющаяся наказанием, впервые получила закрепление в ч. 6 ст. 61 Общей части УК 1999 года без какого-либо упоминания о ней в статьях Особенной части УК (Признание специальной конфискации мерой уголовно-правового характера, принудительной мерой безопасности общепринято в науке белорусского уголовного права [1, с. 165; 2, с. 115]). Между тем, нормы о специальной конфискации давно известны уголовному закону, действовавшему на территории, входящей в настоящее время в состав Республики Беларусь. В отличие от действующего УК такие нормы являлись составной частью статей уголовного закона, предусматривавших уголовную ответственность за те или иные виды преступлений. Наличие этих норм в санкциях статей о конкретных видах преступлений никак не оговаривалось в положениях Общей части уголовного закона.

Например, в силу предписаний ст. 33 раздела XIV Статута ВКЛ 1588 г. за изготовление спиртных напитков подлежало конфискации «начинье пивное, медовое и горельчаное – котлы, кублы, бочки» [3, с. 652–653], т. е. то, что в настоящее время подлежит специальной конфискации как средство совершения преступления.

Согласно санкции ст. 257 УК 1928 г. сбыт фальсифицированных изделий под видом изготовленных из золота, серебра или платины с наложением на них поддельных пробирных клейм и марок, имеющих сходство с пробирным клеймом, влек обязательную конфискацию таких поддельных изделий [4, с. 205]. В УК 1999 г. эти фальсифицированные изделия в перечне предметов специальной конфискации охватываются понятием «предметы преступления, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу»

В санкции ст. 161 УК 1960 г. предусматривалась конфискация добытого, орудий лова и плавучих средств с их принадлежностями как возможная (факультативная) мера, применяемая по усмотрению суда в отношении лиц, осужденных за незаконное занятие рыбным или другим водным добывающим промыслом, в санкции ст. 163 этого же УК – конфискация добытого, ружей и других орудий охоты как обязательная мера, не зависящая от усмотрения суда [5]. Перечисленное, используя современную терминологию, следует определить как имущество, добытое преступным путем, и орудия и средства совершения преступления.

Начиная с 2010 г. путем принятия Законов от 27 декабря 2010 г. № 223-З, от 12 июля 2013 г. № 60-З, от 18 июля 2017 г. № 53-З, от 9 января 2019 г. № 171-З были приняты меры по уточнению правового статуса специальной конфискации и расширению сферы ее применения.

Корректировки уголовного закона перечисленными законами привели к выделению норм о специальной конфискации в отдельной статье (ст. 46¹ УК вместо исключенной из него ч. 6 ст. 61) как меры уголовно-правового характера, не являющейся мерой уголовной ответственности, в основе которой лежит как осуждение лица, совершившего преступление (применение уголовной ответственности) (ч. 3 ст. 44), так и освобождение такого лица от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным УК (ч. 2 ст. 46).

Результатом указанных корректировок явились также расширение и конкретизация перечня предметов специальной конфискации, к которым в ст. 46¹ УК отнесены имущество, добытое преступным путем или приобретенное на средства, добытые преступным путем; доход, полученный от использования этого имущества, а также предметы преступления, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу; орудия и средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление; вещи, изъятые из оборота, а также транспортное средство, которым управляло лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 317¹ УК (за исключением транспортных средств, выбывших из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц).

Статистика применения специальной конфискации. Появление специальной конфискации в УК 1999 г. никак не сказалось на содержании форм статистической отчетности. С 2001 по 2019 годы сведения о применении судами специальной конфискации не фиксировались в формах статистической отчетности и не публиковались. Лишь после принятия Закона от 9 января 2019 г. № 171-З, внесшего существенные изменения и дополнения в регулирование специальной конфискации, Министерство внутренних дел (МВД), получая от Верховного Суда информацию о применении судами специальной конфискации, произвело соответствующую корректировку формы статистической отчетности «Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания», включив в раздел «Уголовная ответственность» столбец «33³.Применена ст. 46¹ УК» (С 2021 года – столбец 82.). Впервые в 2020 г. появилась официальная информация о применении специальной конфискации по всем категориям уголовных дел, по которым лица были осуждены за совершение преступлений.

Так, по итогам 2019 г. специальная конфискации применена в 596 случаях [6]. В действительности эти данные характеризуют применение специальной конфискации за неполные шесть месяцев второ-

го полугодия 2019 г., поскольку Закон от 9 января 2019 г. № 171-3, которым в УК была введена ст. 46¹ «Специальная конфискация», вступил в силу лишь с 19 июля 2019 г.

Анализ показывает, что преимущественно специальная конфискация назначалась по уголовным делам трех категорий: о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (35,1 %), управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передаче управления транспортным средством такому лицу либо отказе от прохождения проверки (освидетельствования) (30,5 %) и хищениях (17,8 %).

Большинство специальных конфискаций пришлось на уголовные дела о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности (23,2 %), и менее тяжких преступлениях (57,4 %). Специальная конфискация по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях составила соответственно 9,2 % и 10,2 %.

В 2020 г. специальная конфискация применена в 1831 случае [7]. И в этом году лидерство пришлось на три указанные категории дел (соответственно 32,9 %, 31,3 %, 16,6 %), что сопоставимо с данными 2019 г. При этом наибольший уровень применения специальной конфискации в рамках каждой из трех указанных категорий уголовных дел отличается вторую из этих категорий уголовных дел. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317¹ УК, в 2020 г. специальная конфискация транспортных средств применялась по уголовным делам в отношении 68,0 % лиц, осужденных по этой статье УК.

В 2020 г. зафиксирован примерно такой же, как и в 2019 г. удельный вес специальной конфискации в зависимости от категории преступления: на первую из указанных категорий преступлений пришлось 23,0 % примененных специальных конфискаций, на вторую – 57,1 %, на третью – 9,1 %, на четвертую – 10,8 %.

К сожалению, республиканские органы государственного управления в сфере осуществления уголовного преследования и уголовного судопроизводства, равно как и МВД, не учли состоявшееся в 2019 г. введение в ст. 46 УК части 2, норма которой предусматривает применение специальной конфискации и при освобождении лица от уголовной ответственности. Отсутствие до 2019 г. такой нормы в УК не являлось основанием для неприменения специальной конфискации при освобождении лица от уголовной ответственности вне зависимости от категории преступления (см. подробнее: [8, с. 12]). Применительно к уголовным делам о взяточничестве такой вывод был сформулирован Конституционным Судом Республики Беларусь еще в 2001 г. [9]. Как следствие, в статистической отчетности не фиксируются сведе-

ния о применении специальной конфискации по отказным материалам и уголовным делам, по которым были приняты решения об отказе в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовных дел с освобождением от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление. Данное обстоятельство, конечно же, препятствует получению полной информации о практике применения специальной конфискации.

Судебная практика применения специальной конфискации. В немалом числе случаев суды, применяя специальную конфискацию со ссылкой на ст. 46¹ УК, не указывают основание для принятия такого решения.

Так, например, по приговору суда Фрунзенского района г. Минска, по которому П. осужден по ч. 1 ст. 328 УК, подвергнут специальной конфискации мобильный телефон «Huawei Honor» [10]. В приговоре отмечено, что этот телефон использовался П. при приобретении психотропного вещества «мефедрон», однако в описательно-мотивировочной части не назван ни один из признаков, по которым его можно отнести к одному из видов предметов специальной конфискации, т. е. не указано основание для его специальной конфискации.

По приговору суда Центрального района г. Гомеля по уголовному делу П. и Л., осужденных по ч. 4 ст. 281 УК за добычу рыбы в запретное время, запрещенными орудиями, запрещенным способом, повлекшей ущерб в особо крупном размере, со ссылкой на ст. 46¹ УК подвергнуты специальной конфискации рыболовные сети и лодка ПВХ, однако без указания, к какому из видов предметов специальной конфискации суд отнес сети и лодку [11].

Очевидно, что судами нарушены предписания как ст. 46¹ УК, так и п. 1 и 24 постановления Пленума Верховного Суда от 8 сентября 2001 г. № 9 «О приговоре суда», обязывающих суд приводить мотивы своего решения по любым вопросам, подлежащим разрешению судом. Несоответствие в этой части приговора ст. 46¹ УК и указаниям Верховного Суда не нашло отражения в определении судебной коллегии по уголовным делам Минского городского суда, которым приговор суда Фрунзенского района г. Минска оставлен без изменения [12].

В отличие от приведенных судебных постановлений в приговоре суда Крупского района и определении судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда решение о специальной конфискации велосипеда «Stels Novigator», использовавшегося при перевозке наркотических средств, мотивировано указанием на то, что он имеет статус средства совершения преступления, принадлежит обвиняемому

и потому подлежит специальной конфискации в соответствии со ст. 46¹ УК [13].

Конфискация имущества, имеющего согласно ч. 1 ст. 46¹ УК признаки предмета специальной конфискации, применялась судами и без указания правового обоснования такого решения.

Например, судом Железнодорожного района г. Гомеля без ссылки на ст. 46¹ УК произведена конфискация 2496 руб., признанных судом в резолютивной части приговора доходом, полученным преступным путем. В этой части приговор суда противоречит установленным по делу обстоятельствам, изложенным в описательно-мотивировочной части приговора, согласно которым имущество, добытое преступным путем, после его легализации было реализовано третьему лицу, в оплату которого от третьего лица были получены материальные ценности на сумму 2496 руб. [14]. Исходя из этой констатации, суду надлежало со ссылкой на ст. 46¹ УК произвести специальную конфискацию имущества (материальные ценности на сумму 2496 руб.), приобретенного на средства, добытые преступным путем, а не самого имущества, добытого преступным путем. Если же на момент вынесения приговора это имущество не было обнаружено, то специальной конфискации следовало подвергнуть денежную сумму, соответствующую стоимости имущества, приобретенного на средства, добытые преступным путем (ч. 2 ст. 46¹ УК).

Имеются приговоры, в которых вопрос о применении специальной конфискации не рассматривался, хотя для этого имелись изложенные в нем основания. Не обращали внимания на это обстоятельство и вышестоящие суды, признавая их законными и обоснованными, не усматривая основания для отмены или изменения приговора в части, касающейся специальной конфискации. Так, из приговора по уголовному делу С., осужденному судом Мостовского района по ч. 3 ст. 147 и ч. 2 ст. 205 УК, следует, что похищенные из гаража И. вещи осужденный дважды продавал Ш. Впоследствии эти вещи были изъяты у Ш. и возвращены потерпевшей. Похищенное имущество является имуществом, добытым преступным путем и одновременно предметом преступления. Дважды реализовав Ш. похищенное имущество, С. приобрел денежные средства, которые согласно ч. 1 ст. 46¹ УК являются имуществом, приобретенным на средства, добытые преступным путем, и подлежат специальной конфискации. В приговоре отсутствует информация о размере денежных средств, вырученных осужденным от продажи похищенного имущества, не дана им оценка как предмета специальной конфискации и не принято решение об их специальной конфискации.

Данное обстоятельство не нашло отражения в определении судебной коллегии по уголовным делам Гродненского областного суда, не обращено внимание суда первой инстанции на не исследование вопроса о размере полученного осужденным имущества, приобретенного им на средства, добытые преступным путем. Судебной коллегией не констатируется, что в этой части приговор является незаконным ввиду того, что в нем не исследован вопрос, требующий решения в соответствии со ст. 46¹ УК, и что на этом основании в рассматриваемой части приговор подлежит отмене и направлению на новое рассмотрение [15].

При принятии решения о специальной конфискации орудий и средств преступления суды не всегда учитывают, что в соответствии с ч. 1 ст. 46¹ УК такое решение допустимо лишь при условии принадлежности этих предметов лицу, совершившему преступление.

Например, по уголовному делу Л., осужденному судом Октябрьского района г. Могилева по ч. 3 ст. 328 УК, была применена специальная конфискация автомобиля Renault Logan, мобильного телефона Samsung, принадлежащего, как указано в приговоре, обвиняемому. В апелляционной жалобе Л. указано, что в части специальной конфискации мобильного телефона приговор суда является незаконным, т. к. телефон принадлежит не Л., а его сестре Ш. Судебная коллегия по уголовным делам Могилевского областного суда оставила в этой части приговор без изменения, указав, что вопросы, касающиеся принадлежности конфискованного имущества, рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства [16].

По уголовному делу Д., осужденному по ч. 1 ст. 205 УК судом Шкловского района, со ссылкой на ч. 1 ст. 46¹ УК применена специальная конфискация транспортного средства – автомобиля марки Volkswagen Transporter. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении жалобы Д., просившего отменить приговор в части специальной конфискации ввиду того, что автомобиль является общей совместной собственностью Д. и его жены. В обоснование такого решения указано, что указанный автомобиль, принадлежащий Д. и зарегистрированный на его имя, использован Д. в качестве средства совершения преступления, поэтому его специальная конфискация соответствует закону (ч. 1 ст. 46¹ УК), доводы же Д. о том, что 1/2 доля указанного автомобиля принадлежит его супруге И., являются несостоятельными, поскольку споры об имуществе, подлежащем конфискации, рассматриваются в порядке гражданского судопроизводства [17].

Несомненно, что вопросы принадлежности имущества лицу на праве собственности – предмет исследования в гражданском судопроизводстве. Однако принадлежность орудия или средства совершения

преступления лицу, совершившему преступление, или иному лицу является предметом доказывания по уголовному делу. Нельзя принимать решение о применении специальной конфискации без установления того, что орудия или средства совершения преступления принадлежат лицу, его совершившему. Если суд первой инстанции констатировал, что мобильный телефон, автомобиль или иное имущество принадлежит лицу, совершившему преступление, и этот вывод мотивирован в приговоре, то суд апелляционной инстанции не должен был отсылать осужденного в гражданский процесс для рассмотрения вопроса о его принадлежности. Суд апелляционной инстанции обязан был либо признать законным приговор суда в этой части ввиду его законности и обоснованности (доказано, что мобильный телефон принадлежит Л., а автомобиль – Д.) и оставить жалобы данных лиц в этой части без удовлетворения, либо признать, что вопрос о принадлежности мобильного телефона, автомобиля не исследован судом, решение об их специальной конфискации не мотивировано (не доказано, что указанное имущество принадлежит обвиняемым) и отменить в этой части приговоры, направив их на новое рассмотрение в части примененной специальной конфискации.

Предложенная судом апелляционной инстанции процедура рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства вопроса о принадлежности орудия или средства совершения преступления является ущербной и по другой причине. Если в этом порядке будет признано, что телефон принадлежит не Л., а Ш., что автомобиль является общей совместной собственностью супругов Д., то потребуются уголовно-процессуальная процедура пересмотра вступивших в законную силу приговоров судов, которыми указанное имущество подвергнуто специальной конфискации.

Очевидно, что указанные решения суда апелляционной инстанции по рассматриваемым уголовным делам едва ли соответствуют как принципу обеспечения защиты судом прав и свобод граждан (ст. 10 УПК), так и принципу всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, имеющих значение для правильного разрешения вопроса о специальной конфискации (ст. 18 УПК).

Нельзя забывать и о финансовой стороне вопроса. Юстиция – весьма затратная статья расходной части бюджета, увеличение ее такими, мягко говоря, спорными решениями судов апелляционной инстанции не выдерживает критики. Такие судебные решения также существенным образом ущемляют имущественные и иные права и законные интересы собственника (сособственника) имущества, вынуждающегося к несению финансовых, временных и иных затрат, связанных с иници-

ацией гражданского судопроизводства и участия в нем, отменой вступивших в законную силу приговоров, возвратом имущества, подвергнутого специальной конфискации, либо денежных средств, вырученных от его реализации в случае исполнения приговора в части специальной конфискации.

Вопрос о принадлежности обвиняемому транспортного средства, которым оно управляло, совершая преступление, предусмотренное статьей 317¹ УК, также входит в предмет доказывания по уголовному делу о таком преступлении. Если транспортное средство не принадлежит обвиняемому, выбыло из законного владения собственника (пользователя) помимо его воли или в результате противоправных действий других лиц, то оно не подлежит специальной конфискации. Установление судом этого обстоятельства является безусловным основанием для неприменения специальной конфискации. Увы, суды не всегда придерживаются этого требования.

Так, суд Березовского района в нарушение предписаний ч. 1 ст. 46¹ УК применил специальную конфискации автомобиля «Опель Вектра», управлявшегося обвиняемым П. при совершении преступления, предусмотренного ст. 317¹ УК, хотя по уголовному делу было установлено, что этот автомобиль принадлежит на праве собственности матери обвиняемого, которая не давала разрешение на его использование. Исправляя ошибку суда первой инстанции, судебная коллегия Брестского областного суда приняла решение об исключении из приговора указания о конфискации в доход государства указанного автомобиля [18].

По делам о преступлении, предусмотренном ст. 317¹ УК, важно также определить, управляло ли лицо – владелец транспортного средства этим транспортным средством. Дело в том, что указанное преступление может выражаться не только в управлении транспортным средством лицом, находящимся в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, но и в передаче управления транспортным средством такому лицу, совершенной в течение года после наложения административного взыскания за нарушения, указанные в диспозиции ст. 317¹ УК. В этом случае владелец транспортного средства, хотя и совершил преступление, предусмотренное указанной статьей УК, но принадлежащим ему транспортным средством не управлял, им управляло другое лицо. Поэтому основания для применения специальной конфискации такого транспортного средства отсутствуют. Данное обстоятельство не учтено судом Сенненского района, который применил специальную конфискации автомобиля AlfaRomeo, принадлежащего Д., осужденно-

го по ч. 1 ст. 317¹ УК за передачу этого автомобиля в управление находящемуся в состоянии алкогольного опьянения С.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда приговор в отношении Д. изменен, из резолютивной части исключено указание о специальной конфискации в доход государства автомобиля AlfaRomeo, эта же часть приговора дополнена указанием об освобождении из-под ареста автомобиля AlfaRomeo и передаче его по принадлежности Д. [19].

Указанные ошибки, связанные с применением специальной конфискации принадлежащего обвиняемому транспортного средства, переданного им в управление лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, допускались судами и ранее. В связи с этим не без оснований перед законодателем ставился вопрос о дополнении нормы о специальной конфискации указанием на применение этой меры уголовно-правового характера и по уголовным делам, по которым преступление, предусмотренное ст. 317¹ УК, выразилось в передаче транспортного средства лицу, находящемуся в состоянии опьянения [20]. Законодатель признал равным уровень общественной опасности управления транспортным средством в состоянии опьянения и передачи управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения. Соответственно должны быть одинаковыми и правовые последствия таких действий, одним из которых должно являться применение специальной конфискации транспортного средства у обвиняемого, который сам не управлял транспортным средством, а лишь передал его в управление другого лица, находящегося в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ.

Законодательное регулирование специальной конфискации и его влияние на судебную практику. Исследование опубликованных судебных постановлений по уголовным делам, закончившихся постановлением обвинительных приговоров, позволило установить, что, несмотря на выделение норм о специальной конфискации в отдельную статью (ст. 46¹ УК) и более полное регулирование этого института в уголовном законе (дополнение ст. 46 УК ч. 2), суды применяли после введения в действие УК 1999 г. (2001 г.) и применяют в настоящее время конфискацию имущества, признанного вещественным доказательством, со ссылкой на ст. 98 УПК (уголовно-процессуальная конфискация). В ст. 98 УПК это имущество определено как предмет

конфискации, а в ч. 1 ст. 46¹ УК – как предмет специальной конфискации:

- орудия или средства совершения преступления, принадлежащее обвиняемому (п. 1 ст. 98 УПК), орудия или средства совершения преступления, принадлежащие лицу, совершившему преступление (ч. 1 ст. 46¹ УК);
- предметы, запрещенные к обращению (п. 2 ст. 98 УПК), вещи, изъятые из оборота (ч. 1 ст. 46¹ УК);
- предметы, запрещенные к обращению (п. 2 ст. 98 УПК), предметы преступления, если они не подлежат возврату потерпевшему или иному лицу ввиду изъятия их из оборота (ч. 1 ст. 46¹ УК);
- деньги и иные ценности, приобретенные преступным путем (п. 4 ст. 98 УПК), имущество, добытое преступным путем (ч. 1 ст. 46¹ УК).

Понятно, что такая практика конфискации названных предметов специальной конфискации со ссылкой на ст. 98 УПК, а не на ст. 46¹ УК, не находит отражения и в судебной статистике, данные которой были приведены выше.

Например, по приговору судебной коллегии областного суда Е. признан виновным в совершении ряда преступлений, а охотничье ружье (цевье, рамка, ствол) как орудие преступления, признанное по уголовному делу вещественным доказательством, конфисковано со ссылкой на ст. 98 УПК [21]; по приговору суда Гомельского района К. осужден по ч. 1 ст. 328, ч. 1 ст. 328¹ УК и на основании ст. 98 УПК произведена конфискация вещественного доказательства – наркотического средства (марихуаны) как запрещенного к обороту (изъятая из оборота) [22], судебной коллегией Гомельского областного суда указанный приговор суда оставлен без изменения [23].

Такую же позицию занял и Минский областной суд, судебная коллегия по уголовным делам которого указала суду Вилейского района на ошибку в приговоре от 11 января 2021 г., выразившуюся, по мнению областного суда, в возврате обвиняемому жесткого диска с записями порнографического характера, признанного по уголовному делу вещественным доказательством. Областной суд отметил, что такие записи являются запрещенными к обороту и в соответствии со ст. 98 УПК подлежат конфискации или уничтожению [24]. Между тем, решение о специальной конфискации вещи, изъятой из оборота, каковой является жесткий диск, а не записи порнографического характера, содержащиеся на нем, должно приниматься на основании ч. 1 ст. 46¹ УК.

Имеются и судебные постановления, согласно которым конфискация предметов специальной конфискации производилась со ссылкой

как на ст. 46¹ УК, так и на ст. 98 УПК. Так, по приговору районного суда Г. и Г. осуждены по ч. 1 ст. 328 УК. Принадлежащие им мобильный телефон «Xiaomi M1803E7SG» и мобильный телефон «Huawei JAT-LX1» с чехлом конфискованы как средство совершения преступления на основании ст. 46¹ УК, а обнаруженное и изъятое у них особо опасное наркотическое средство метадон (предмет преступления, не подлежащий возврату), признанное по уголовному делу вещественным доказательством, конфисковано со ссылкой на ст. 98 УПК [25].

Причина игнорирования судами норм уголовного закона о специальной конфискации или одновременного применения уголовного и уголовно-процессуального закона при конфискации предметов специальной конфискации, получивших в уголовном деле статус вещественных доказательств, кроется в несогласованности между собой норм УК и УПК, предусматривающих соответственно уголовно-правовую (специальную) конфискации (ст. 46¹ УК) и уголовно-процессуальную конфискации (ст. 98 УПК) одних и тех же предметов, вещей, имущества, получивших по уголовному делу статус вещественных доказательств.

О наличии несогласованности положений п. 4 ст. 98 УПК и части шестой ст. 61 УК, создающей проблемы конфискации предмета взятки указывалось в упоминавшемся Заключении Конституционного Суда Республики Беларусь от 28 ноября 2001 г. № 3-132/2001 [10]. Автор данной статьи, принимавший участие в качестве эксперта в рассмотрении в Конституционном Суде дела, завершившегося принятием указанного Заключения, представил развернутый анализ норм УК и УПК, посвященных применению специальной и уголовно-процессуальной конфискации, придя к выводу о наличии коллизии соответствующих уголовно- и уголовно-процессуальных норм и необходимости устранения этой коллизии в законодательном порядке [9, с. 11]. К такому же выводу пришел Конституционный Суд в решении от 6 июня 2017 г. № Р-1086/2017 «О правовом регулировании специальной конфискации» (далее – Решение № Р-1086/2017), указав на наличие правовой неопределенности норм ч. 6 ст. 61 УК и ст. 96, 98 УПК, выражающейся в неоднозначном и противоречивом правовом регулировании специальной конфискации нормами различной отраслевой принадлежности, а также в отсутствии четкого определения на законодательном уровне самого понятия специальной конфискации [26].

Лишь отчасти это решение Конституционного Суда было реализовано в Законе от 9 января 2019 г. № 171-З, в связи с чем в решении Конституционного Суда от 28 декабря 2018 г. № Р-1165/2018 «О соответ-

ствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» (далее – Решение № Р-1165/2018) законодателю указано на необходимость учесть положения Решения № Р-1086/2017 при дальнейшем совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Свою лепту в неоднозначное решение в судебной практике вопроса о том, применять ли специальную конфискацию или уголовно-процессуальную конфискацию, внес и Верховный Суд, указав в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда от 23 сентября 1999 г. № 8 «О практике назначения судами конфискации имущества по уголовным делам» (далее – постановление Пленума от 23 сентября 1999 г. № 8), что специальную конфискацию надлежит применять в порядке ст. 98 УПК. Некоторые исследователи определяют данное указание как не ясное [1, с. 153]. Между тем, отсылка к ст. 98 УПК означает, что решение о конфискации вещественного доказательства, являющегося одновременно и предметом специальной конфискации, должно быть принято путем вынесения приговора, определения или постановления о прекращении производства по уголовному делу (процессуальный аспект), по основаниям, предусмотренным в ст. 98 УПК (материальный аспект). Следуя предписаниям ст. 44 Конституции и иным законодательным актам, решение о конфискации имущества, являющегося вещественным доказательством, может принимать только суд. В этой части (конфискация по постановлению органа уголовного преследования) ст. 98 УПК подлежит соответствующей корректировке.

Более четко позиция, согласно которой конфискация имущества, входящего в перечень предметов специальной конфискации и признанного по уголовному делу вещественным доказательством, осуществляется в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, отражена Верховным Судом Республики Беларусь в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве» (далее – постановление Пленума от 26.06.2003 № 6). В этом документе указано, что деньги и ценности, являющиеся предметом взятки и признанные вещественными доказательствами, подлежат обращению в доход государства на основании ст. 98 УПК.

Такой подход не соответствует Заклчению Конституционного Суда от 28 ноября 2001 г. № 3-132/2001 [9]. В этом заключении Конституционный Суд не только отметил несогласованность положений п. 4 ст. 98 УПК и ч. 6 ст. 61 УК. Он вполне определенно указал на то, что поскольку ни уголовным, ни уголовно-процессуальным законодатель-

ством не предусматриваются особенности определения судьбы предмета взятки при добровольном заявлении о ее даче, этот вопрос должен решаться в соответствии с общими правилами, установленными ч. 6 ст. 61 УК.

В указанной части постановление Пленума от 26 июня 2003 г. № 6 подлежит приведению в соответствие с заключением Конституционного Суда, а двусмысленность отсылки к ст. 98 УПК в постановлении Пленума от 23 сентября 1999 г. № 8 может быть ликвидирована путем дополнения п. 1 этого постановления указанием на то, что конфискация вещественного доказательства, являющегося одновременно и предметом специальной конфискации, осуществляется по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 46 и ст. 46¹ УК, в порядке, предусмотренном ст. 98 УПК.

Данный подход, хотя и не в полной мере, использован в п. 4.1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ, в котором предусмотрено, что решение о конфискации денег, ценностей и иного имущества, указанного в п. «а» – «в» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ (Конфискация имущества) и признанного вещественным доказательством, осуществляется путем вынесения соответствующего процессуального документа.

Такой подход может быть использован для устранения указанной коллизии отечественных норм УК и УПК. В ст. 98 УПК следует предусмотреть, что решение о судьбе вещественного доказательства, относящегося к предмету специальной конфискации, принимается судом при наличии оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 46 и ст. 46¹ УК.

В п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6 указано, что при обнаружении денег и ценностей, являющихся предметом взятки и признанных вещественными доказательствами, их стоимостной эквивалент как неосновательно приобретенной выгоды взыскивается с обвиняемого в доход государства.

Согласно п. 2 ст. 17 Закона от 17 июля 2018 г. № 130-3 «О нормативных правовых актах» (далее – Закон № 130-3) постановления Пленума Верховного Суда являются нормативными правовыми актами. Однако законы, декреты и указы Президента Республики Беларусь имеют большую юридическую силу по отношению к нормативным правовым актам Верховного Суда (п. 4 ст. 23 Закона № 130-3), постановления Пленума Верховного Суда должны соответствовать нормативным правовым актам большей юридической силы (п. 2 ст. 6 Закона № 130-3).

Как представляется, Верховный Суд, используя в приведенной правовой норме понятие «неосновательно приобретенная выгода», не известное белорусскому законодательству, вышел за пределы своей компетенции, к которой относится лишь дача разъяснений по

вопросам применения законодательства (ст. 53 Кодекса о судостроительстве и статусе судей). Пойдя на формулирование указанной нормы, Верховный Суд принял на себя функции законодателя, что противоречит конституционному принципу разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 6 Конституции).

На день принятия этого постановления ни ч. 3 ст. 44, ни ч. 6 ст. 61 УК не предусматривали взыскание с осужденного неосновательно приобретенной выгоды. В настоящее время понятие «неосновательно приобретенная выгода» употребляется лишь в двух законодательных актах – Законах от 19 июля 2019 г. № 230-3 «Об амнистии в связи с 75-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» (ст. 15) и от 18 мая 2020 г. № 17-3 «Об амнистии в связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» (ст. 10, 14).

Определение этого понятия в этих законах не приводится, но из контекста указанных статей следует, что неосновательно приобретенная выгода является видом дохода, полученного преступным путем. Если это так, то понятие неосновательно приобретенная выгода является излишним, не имеющим право на существование и не подлежащим применению, поскольку явочным порядком одобряет приведенную выше норму п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6, не соответствующую Конституции и Кодексу о судостроительстве и статусе судей.

Норма п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6 не соответствует ч. 2 ст. 46¹ УК, согласно которой специальная конфискация подвергается денежная сумма, соответствующая стоимости имущества, добытого преступным путем, если по каким-либо причинам невозможно специальная конфискация самого имущества добытого преступным путем. Эта норма была включена в УК Законом от 18 июля 2017 г. № 53-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь», но Верховный Суд до настоящего времени никак не отреагировал на это дополнение уголовного закона, не предпринял попытки откорректировать приведенные выше положения п. 1 постановления Пленума от 23 сентября 1999 г. № 8 и п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6.

Понятие «неосновательно приобретенная выгода», используемого Верховным Судом и судами по уголовным делам о взяточничестве, не является видовым понятием родового понятия «дохода, полученного преступным путем», если строго следовать предписаниям ст. 46¹ УК.

Парламент вместо того, чтобы обратить внимание Верховного Суда на необходимость приведения п. 19 постановления Пленума от 26 июня

2003 г. № 6 в соответствии со ст. 46¹ УК, пошел на включение в названные законы положений, базирующихся на нормах п. 19 постановления Пленума от 26 июня 2003 г. № 6, противоречащих ст. 46¹ УК.

К сожалению, на эти ошибки Национального собрания не обратил внимания и Конституционный Суд, который в решениях от 10 июня 2019 г. № Р-1189/2019 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об амнистии в связи с 75-летием освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков» и от 7 мая 2020 г. № Р-1216/2020 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «Об амнистии в связи с 75-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» лишь констатировал наличие таких норм в этих законах, не дав им соответствующего анализа и не потребовав привести оба закона в рассматриваемой части в соответствие с уголовным законом.

Заключение. Проблема совершенствования норм уголовного и уголовно-процессуального закона, посвященных специальной конфискации, остается актуальной. Ошибки и неединообразие судебной практики применения специальной конфискации обусловлены в немалой степени и коллизией норм УК и УПК.

Остаются нерешенными и проблемные вопросы применения специальной конфискации, не урегулированные в уголовном законе: подлежит ли специальной конфискации имущество, добытое преступным путем, если известен его законный владелец; подлежит ли специальной конфискации денежная сумма, соответствующая стоимости имущества, добытого преступным путем, если по каким-либо причинам невозможна специальная конфискации самого имущества добытого преступным путем, и одновременное удовлетворение требований законного владельца о возмещении ему ущерба, причиненного преступным завладением таким имуществом; подлежит ли специальной конфискации имущество, приобретенное на средства, добытые преступным путем, при наличии требования потерпевшего о возмещении ущерба, причиненного ему преступным изъятием его имущества и реализацией его осужденным третьим лицам. Эти и другие вопросы специальной конфискации не нашли регламентации в уголовном законе. Отсутствие таковой отрицательно влияет на результаты судебной практики, не обеспечивает должным образом имущественные интересы пострадавшего от преступления, лица, совершившего преступление.

Список цитированных источников

1. Шаблинская, Д. В. Конфискация имущества в уголовном праве / Д. В. Шаблинская. – Минск: БОРБИЦ РНИУП «Институт радиологии», 2013. – 200 с.

2. Хомич, В. В. Комментарий к статье 46 / В. М. Хомич // Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент.; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова. В. В. Марчука. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – С. 114–116.

3. Довнар, Т. И. Общая характеристика источников и институтов уголовного права Беларуси досоветского периода / Т. И. Довнар // Уголовное право. Общая часть: учеб. / Н. Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск: Изд. центр БГУ, 2014. – С. 636–656.

4. Крымінальны кодэкс Беларускай ССР. Афіцыйны тэкст са зменамі на 1 мая 1957 года і дадаткамі сістэматызаваных матэрыялаў (на беларускай і рускай мовах). – Минск: Дзярж. выдавецтва БССР, 1957. – 298 с.

5. Собрание законов, указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР, постановлений и распоряжений Совета Министров Белорусской ССР. – 1961. – № 1. – Ст. 4.

6. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2019 год (форма 10, часть 3). – Минск: МВД Респ. Беларусь, 2020.

7. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания за 2020 год (форма 10, часть 3). – Минск: МВД Респ. Беларусь, 2021.

8. Лукашов, А. И. О специальной конфискации в законодательстве и судебной практике / А. И. Лукашов // Юрист. – 2002. – № 1. – С. 11–13.

9. О соответствии Конституции положений пунктов 20 и 21 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 10 апреля 1992 г. № 1 «О судебной практике по делам о взяточничестве: заключение Конституционного Суда Респ. Беларусь, 28 нояб. 2001 г., № 3-132/2001 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2001. – № 114. – 6/308.

10. Приговор суда Фрунзенского района города Минска [Электронный ресурс]: 20 янв. 2021 г. // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

11. Приговор суда Центрального района г. Гомеля [Электронный ресурс]: 8 дек. 2020 г. // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

12. Определение судебной коллегии по уголовным делам Минского городского суда [Электронный ресурс]: 26 марта 2021 г., дело № 95У2074/А // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

13. Определение судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда [Электронный ресурс]: 12 янв. 2021 г., дело № 1-107/2020/А // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

14. Приговор суда Железнодорожного района города Гомеля [Электронный ресурс]: 16 авг. 2021 г. // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

15. Определение судебной коллегии по уголовным делам Гродненского областного суда [Электронный ресурс]: 20 апр. 2021 г. // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

16. Определение судебной коллегии по уголовным делам Могилевского областного суда [Электронный ресурс]: 8 апр. 2021 г. // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

17. Определение судебной коллегии по уголовным делам Могилевского областного суда [Электронный ресурс]: 27 мая 2021 г., дело № 150У2114/А // iLex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

18. Определение судебной коллегии по уголовным делам Брестского областного суда [Электронный ресурс]: 25 мая 2021 г., дело № 5У2129/А // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

19. Определение судебной коллегии по уголовным делам Витебского областного суда [Электронный ресурс]: 4 мая 2021 г. // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

20. *Шевцов, В. Г.* Проблемные аспекты правоприменительной практики при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьёй 3171 Уголовного кодекса Республики Беларусь (по состоянию на 04.11.2016) [Электронный ресурс] / В. Г. Шевцов // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

21. Приговор судебной коллегии по уголовным делам областного суда [Электронный ресурс]: 10 апр. 2019 г. // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

22. Приговор суда Гомельского района Гомельской области [Электронный ресурс]: 18 января 2021 г. // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

23. Определение судебной коллегии по уголовным делам Гомельского областного суда [Электронный ресурс]: 3 марта 2021 г., дело № 55У2042/А // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

24. Определение судебной коллегии по уголовным делам Минского областного суда [Электронный ресурс]: 9 апр. 2021 г., дело № 106У203/А // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

25. Приговор суда Первомайского района г. Минска [Электронный ресурс]: 7 окт. 2020 г. // іlex: информ. правовая система / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2021.

26. *Лукашов, А. И.* Конкурирующие нормы о конфискации имущества в уголовном и уголовно-процессуальном законе Республики Беларусь и Российской Федерации / А. И. Лукашов, С. В. Шевелева // Всерос. криминолог. журн. – 2020. – Т. 14. – № 6. – С. 914–926.

УДК 34(476)

ПРИЗНАКИ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Марицкевич Янина Сергеевна

*стажер судьи суда Полоцкого района и г. Полоцка, ул. Успенская, 2,
211440 Полоцк, Республика Беларусь, 2lg19.martsulevich.y@pdu.by*

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические уголовно правовые проблемы, связанные с вопросами определения квалифицирующих признаков должностного лица, в том числе анализируются признаки должностного лица, проблемы квалификации преступлений по признаку должностного лица, рассматривается институт соучастия в привязке к понятию должностного лица. Рассматривается следственная и судебная практика, анализируются вопросы признания отдельных категорий работников должностными лицами, тенденции как к расширению, так